

УДК 811.161.1'282.2(470.1) + 81:39 + 612.392.81
DOI 10.17223/18137083/73/21

Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект

К. В. Осипова

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

Аннотация

Реконструируется комплекс народных представлений, связанных с употреблением мяса на Русском Севере (Архангельская и Вологодская области, север Костромской области). Рассматриваются русская диалектная лексика, фольклорные тексты и народные верования: в научный оборот вводятся новые данные, собранные Топонимической экспедицией Уральского университета. Анализ лексики, ритуалов и народных легенд, связанных с забоем скота, позволяет реконструировать традицию севернорусских празднеств-жертвоприношений (ср. *свежинá*, *Свинáрное заговение*, *Свинобóй*). Проясняется мотивация некоторых наименований пищи, например, с обозначениями компонентом *царский* и *церковный*; анализируются прозвища, народная мотивация которых связана с употреблением мяса (волог. *телятники*, волог. *векшееды*, арх. *моржееды* и др.).

Ключевые слова

севернорусские говоры, семантика, мотивация, фольклор, мясная пища, этнолингвистика

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект № 17-18-01351)

Для цитирования

Осипова К. В. Мясо в рационе севернорусских крестьян: этнолингвистический аспект // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 308–321. DOI 10.17223/18137083/73/21

Meat in the diet of North Russian peasants: ethnolinguistic aspect

K. V. Osipova

*Ural Federal University
Ekaterinburg, Russian Federation*

Abstract

The author reconstructs the complex of folk ideas connected with meat in the Russian North (Arkhangelsk and Vologda regions, north of the Kostroma region). The analysis involves Russian dialect vocabulary, folklore texts and folk beliefs. The new data collected by the Toponymic Expedition of the Ural University are introduced into scientific use. The methods of motivational analysis, semantic reconstruction, as well as semantic-motivational parallels between linguistic facts and data of non-linguistic forms of culture are applied. The study characterizes the attitude of the peasants towards the meat of different animals, slaughter rituals, methods of storing meat, features, important for meat products (raw – boiled, fresh – harvested for future use, clean – unclean, etc.), and food preferences of local social groups. The

© К. В. Осипова, 2020

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2020. № 4
Siberian Journal of Philology, 2020, no. 4

author concludes that meat served not only as food but also as a cultural and linguistic symbol. Analysis of the vocabulary, rituals, and folk legends associated with the slaughter of livestock allows reconstructing the tradition of the sacrifice festivals (*svezhiná*, *Svinárnoe zagovenie*, *Svinobóy*). The vocabulary associated with meat food reveals a difference in the meat ration of Russians and aborigines of the Russian North, who consumed raw meat, as well as not familiar to Russian reindeer meat, seal meat, and walrus. The paper clarifies the motivation of some lexemes, for example, the designations with component *tsarskiy* and *tserkovnyy*. Nicknames, the folk motivation of which is associated with the use of meat, are analyzed (volog. *telyatniki*, volog. *veksheedy*, arch. *morzheedy*, arch. *kostogryzy*, volog. *Samoed*, etc.).

Keywords

North Russian dialects, semantics, motivation, folklore, meat products, ethnolinguistics

Acknowledgments

The research is carried out within the project 17-18-01351 “North Russian vocabulary and Toponymy through Language Contacts and Genetic Ties”

For citation

Osipova K. V. Meat in the diet of North Russian peasants: ethnolinguistic aspect. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no. 4, p. 308–321. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/73/21

Повседневный рацион крестьян зависел от совокупности природных, социально-экономических и культурных факторов. Жители Архангельской, Вологодской и Костромской областей, занимавшиеся земледелием и собирательством (ягоды, грибы, дикие растения), ели в основном растительную пищу. В районах, богатых водными источниками, к ней добавлялась рыба, на северных, более глухих, территориях в пищу шла добытая охотниками дичь. Однако мясо никогда не составляло основу питания – без него крестьяне относительно легко обходились в посты и весенне-летний период, когда скот резали лишь в исключительных случаях.

В силу того что мясная пища не входила в ежедневное меню крестьян-земледельцев, группа ее наименований не столь обширна, как, например, названия выпечки, блюд из круп или похлебок. Из-за своей относительной немногочисленности названия мясной пищи были обойдены должным исследовательским вниманием. Несмотря на редкость употребления мяса, его культурная значимость была довольно высока: христианские посты предполагали отказ от мясной пищи; предпочтения в употреблении мяса разных животных дифференцировали социальные и конфессиональные группы; блюда из мяса как дорогая и вкусная пища подавались на трапезах, приуроченных к годовым и семейным праздникам и пр. Все это определило потребность в лингвистическом и этнокультурном исследовании, которое выявило бы отраженные в названиях особенности приготовления и употребления мяса и мясных блюд и определило символические функции мясной пищи в фольклорных текстах и обрядовых практиках.

Мы постараемся воссоздать комплекс народных представлений, связанных с употреблением мяса на Русском Севере: охарактеризовать отношение крестьян к мясу разных видов животных, выделить пищевые предпочтения локальных групп, определить категориальные признаки, важные для мясной пищи (сырой – вареный, свежий – заготовленный впрок, чистый – нечистый и др.), и их культурную семантику. Что касается названий блюд из мяса и символических функций мяса в обрядах и верованиях, то они станут предметом дальнейшего исследования.

Основным источником языковых и этнокультурных сведений послужили Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрФУ и Картотека Словаря го-

воров Русского Севера, а также ряд словарей, охватывающих территорию Архангельской, Вологодской областей и севера Костромской области. Помимо этого, мы опираемся на материалы этнографических изданий, посвященных культуре и быту севернорусских крестьян (см. [Воронина, 2004; ДКСБ, 1997; Ефименко, 1878; РК, 2007, т. 5; 2009, т. 7] и др.).

В соответствии с принципами «узкой» этнолингвистики, методика которой была разработана исследователями Уральской школы ономастики, этнолингвистики и этимологии (см. работы [Березович, 2014; Леонтьева, 2015] и др.), источником для реконструкции фрагментов архаических представлений являются в первую очередь языковые данные, рассмотренные в совокупности с фактами обрядов, верований и фольклора. Фрагменты представлений о предмете, явлении или действии могут быть заключены в семантике слова, его мотивационных связях, внутренней форме, системных отношениях, а также совокупности контекстных употреблений. Учитывая единство языка и культуры как хранителей архаических представлений, мы посчитали необходимым дополнить сугубо лингвистическое исследование данными духовной и материальной культуры. Именно такой синтетический подход позволяет наиболее объемно и полно представить культурно-языковую символику мяса в локальной севернорусской традиции.

Ограничения в употреблении мяса севернорусскими крестьянами были связаны с несколькими факторами. Во-первых, большая часть жителей Русского Севера занималась земледелием, а не скотоводством: крупный рогатый скот крестьяне держали в основном ради молока, которое не только употребляли в пищу сами, но и сдавали на маслозаводы (преимущественно в Вологодской обл.). В приморских и богатых реками и озерами регионах часть мясных блюд вытесняли блюда из рыбы, ловить которую было менее трудоемко, чем выращивать скот на мясо. Во-вторых, употребление мяса всегда зависело от сезона: мясо зарезанного поздней осенью скота удавалось сохранить до весны, а поздней весной, летом и ранней осенью мясо было большой редкостью. В-третьих, состав ежедневного рациона определяли церковные запреты на употребление мяса в посты и постные дни недели. Наконец, часть полученного мяса всегда приходилось сдавать: в советские годы крестьяне сдавали государству в качестве *мясалога* около 40–45 кг мяса с хозяйства (арх. вин., пин.) [СРНГ, т. 37, с. 412]. В XIX в. накануне крупных праздников хозяева обязательно относили мясо в церковь, чтобы приготовить общее блюдо (см., например, о варке мясных блюд к храмовым праздникам в Сольвычегодском уезде [РК, т. 5, ч. 3, с. 644]). Объем отданного церкви мяса достигал половины свиной туши: ее жертвовали «в благодарность за благополучие скота в прошедшем году и с целью умиловить Бога и предохранить свой скот от падежа в наступающем году. Не жертвовать в Новый год несколько свинины считается большим грехом» (сольвыч.) [Там же, с. 590]. В Анастасийн день (11 ноября / 29 октября) в церковь приносили сушеные бараньи лопатки – *анастасиевское мясо*, «чтобы овцы зимой больше плодились» (сольвыч.) [Там же].

Мясо, наряду с цельным молоком, рыбой и пшеничными пирогами, считалось «лакомством, которого приходится далеко не часто пробовать» (кадн., грязов.) [РК, т. 5, ч. 2, с. 36, 768]. Количество мяса в рационе сильно зависело от достатка семьи: «Богатые почитай весь год мясо едят, а у нужных и без ево обходятся» [Подвысоцкий, 1885, с. 103]. Мясо регулярно ели зажиточные крестьяне, а в бедных семьях оно появлялось на столе лишь по воскресеньям или в праздники осенне-зимнего периода (по свидетельствам из Вологодской обл., даже в эти дни на семью из 7–10 человек готовили чуть более килограмма мяса). На зиму семье хва-

тало одного поросенка или 2–3 овец, или годовалого теленка. В бедных семьях употребляли всего около пуда мяса в год, включая субпродукты (печень, легкое, горло, голову) [РК, т. 7, ч. 2, с. 314]. Летом мяса практически не ели: своих запасов к этому времени уже не оставалось, а деньги для его покупки были далеко не у каждой семьи.

Ритуалы забоя скота. Обыкновенно скот начинали резать во второй половине октября или в ноябре. В Костромской области это событие было привязано к Михайлову дню (8/21 ноября), когда устанавливались морозы: «До Михайловской зимы не будет, скотину после нее уж резали» (ЛКТЭ¹). В Архангельской области день, когда начинали резать скот, известен как *Свинáрное* или *Свиноé заговенье* (котл.): «Свинарное отмечали, на Свиное заговенье свиной резали, колобы пекли» (КСГРС²); в Шенкурском районе время перед Рождественским постом называли *Свинобой* [Ефименко, 1878, с. 273].

Наряду с приготовлением хлеба, взбиванием масла, стиркой и т. п., ритуал забоя скота был одним из тех действий, которое по причине жизненной и обрядовой значимости и опасности сглаза требовало осторожного и почтительного отношения со стороны хозяев и «очевидцев». Человека, режущего скот, следовало приветствовать благопожеланием, чтобы мяса было больше, чтобы оно было вкусным и не портилось, ср. волог. тот. *со свежиной!*: «Со свежиной, Анна! Ужо придем пробовать» [СВГ, т. 9, с. 101]; волог. ваш. *мясная гора!* [СГРС, т. 7, с. 395]; волог. ник. *мясо-сахар!*, волог. шир. распр., костром. *вохом.*, окт. *сахар-мясо!* (ответ хозяина: волог. тот. *Хапай горстью!*; костром. *вохом. Цапай горстью!*): «Мясо режешь – скажут: “Сахар-мясо!”, чтобы мясо было вкусным» (окт.) (КСГРС; ЛКТЭ); «Ккуда большого скота режут, а кто подойдёт, скажет: “Сахар-мясо!”, чтобы больше мяса было» (сямж.) [СВГ, т. 9, с. 94]; костром. окт. *соль-мясо!*, *нож-мясо!* (ЛКТЭ); волог. в-уст. *мясо-репа*: «Когда режут поросёнка, Бог помошш подают, “Мясо-репа”, – говорят, чтобы не портилось мясо» (в-уст.) [СГРС, т. 7, с. 395]. В этих приветствиях мясо сопоставляется с солью, сахаром и репой: сахар выступает как эталон чистого, однородного, нежного вкуса (ср. *сахарный кусочек*), соль как консервант, препятствующий гниению, а репа как символ мягкости, сладости и сочности (см. о репе как постной параллели мясу в [Березович, Усачева, 2009, с. 425]).

Мясо только что забитого животного считали самым вкусным, его называли арх., волог. *свежáтина*, *свеженíнка*, *свежíна*, *свежíнка*: «Свежинка-та дак ну жо и скусна!» (уст.) [СВГ, т. 9, с. 101; СРНГ, вып. 36, с. 226; РК, т. 5, ч. 2, с. 444; УНС, с. 299]; волог. в-уст., кадн., тот. *уббина*, *уббинка* ‘мясо, говядина’: «Мы и по праздникам-то не все убоины едим. У них и по будням-то убоинку едят» [СОВН, с. 519]. Свежее мясо обозначалось как *сладкое*, в противопоставлении соленому или копченому, т. е. заготовленному впрок: «У меня сладкого нет – только копченое» (волог. чаг.) [СРГК, т. 6, с. 143]³. Ценность свежего мяса определялась не только его вкусовыми качествами, но и самой ситуацией забоя скота, которая ар-

¹ Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и межкультурных коммуникаций УрФУ, Екатеринбург).

² Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и межкультурных коммуникаций УрФУ, Екатеринбург).

³ Ср. также *сладкий* ‘свежий, пресный, несоленый, незаквашенный’: ворон., новг. *сладкое молоко* ‘свежее молоко’ [НОС, вып. 10, с. 84; СРНГ, вып. 38, с. 222], *свежая вода* ‘несоленая вода’ [СРГК, т. 1, с. 211].

хаически была связана с ритуалами жертвоприношения. Память об этом сохраняется, например, гнездо рус. диал. глагола *молить*, семантической доминантой которого является значение 'умолять, просить, принося жертву' [Петкевич, 2007]. Среди дериватов гл. *молить* в русских говорах можно выделить значения, в семантике которых сочетаются значения 'просить', 'жертвовать', 'убивать, резать скот', восходящие к древнему 'закалывать скот к определенному празднику' (обзор работ, посвященных этимологии гл. *молить*, и анализ семантики гнезда см. в [Петкевич, 2007]).

На Русском Севере рудименты ритуального жертвоприношения сохранились в практике устраивать коллективные празднества по случаю забоя скота, на которых всех пришедших угощали блюдом из мяса только что забитого животного, ср. костром. шар. «Приходите к нам на свеженину, свинью зарезали» (КСГРС). Жители Тотемского района Вологодской губ. отмечали праздник по случаю зарезанного поросенка под названием *свежинá*: «Мы зарезали поросенка, и вся деревня идет на свежину, вся деревня гуляла на свежине – кровь пекли, потроха в пече»; «Свежина – зарежут хоть поросенка, первое самое есть – суп варят: теплой, запаха приятной, а потом уж не будет»; «Поросенка зарежут – седни свежина! Пойдемте к нам на свежину. Зимой больше звали друг друга, на свежину» (КСГРС). Некоторые блюда готовились только после забоя скота, например, на *свежину* пекли кровь, варили блюда из потрохов, крепкий мясной бульон; в Костромской обл. готовили мясную *селянку*: «Вань, приходи к нам селянку есть, мы бычка закололи» (СКЗ⁴, с. 348). Праздник по поводу забоя скота отмечался коллективно – на него приглашали не только близких родственников, но и односельчан. Возможно, коллективность празднеств «свежего мяса» восходит к архаической традиции деления добычи охотниками, о которой свидетельствуют антропологические исследования. Например, А. Павловская отмечает, что у северных народов «сохранялись и древние принципы разделения мяса между всеми жителями общины, утаить добытое мясо от соплеменников, даже в период голода, считалось большим грехом» [Павловская, 2015, с. 173]. По наблюдению Д. К. Зеленина, севернорусские братчины изначально были связаны с охотой и звероловством [Зеленин, 1928, с. 131].

В севернорусском народном календаре некоторые ритуальные празднования, сопровождаемые забоем скота, совместились с днями почитания святых. Например, жители Белозерского района Вологодской обл. в день Симеона Столпника (1/14 сентября) непременно резали барашка и делились с тем, кто придет [ДКСБ, с. 349–350]. Обязательность приготовления мясного блюда к крупным христианским датам отразилась в особенностях семантического развития слова *канун*. В Вологодской области слово *канун* обозначало не только 'день поминовения' (волог., арх.), 'местный праздник' (арх. вин.), 'обед перед престольным праздником' (арх. в-т.) [СРНГ, вып. 13, с. 46], но и 'мясное кушанье, которое готовилось крестьянской общиной в некоторые летние праздники' (в-уст.) [Там же, с. 45]. Диалектная семантика стала следствием метонимической трансформации значения церковного термина *канун* 'стол для поминальных свечей' и общенар. *канун* 'день перед праздником'⁵.

⁴ Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром акающих говоров). Рукопись.

⁵ О севернорусских *канунах* – коллективных «пивных» празднествах подробнее см. в [Осипова, 2015].

О ритуальном употреблении мяса жертвенного животного напоминает записанная в Бабаевском районе Вологодской обл. легенда о ланях (телках), выходивших из леса в день Рождества Богородицы (8/21 сентября). Одну из них крестьяне отпускали, а другую закалывали и съедали: «В Пречистов день лани придут. Одну лань зарежут, наварят и всех угощали, а другая лань уходила в лес. И так каждый год. А один год обоих ланей зарезали, они и отстали ходить, никто их не видал»; «В Пречистов день, 21 сентября, за день две лани выходят, две коровы то есть. Одну колют, а другая скроется. Один раз обоих закололи и не вышли больше, всё. Мясом, суп варили, всех кормили»; «Раньше из лесу приходили три нетели накануне Пречистова дня. Одну резали, а двоих отпускали» (КСГРС). Легенда о жертвенном олене была описана еще Д. К. Зелениным в качестве ключевого «сюжета» севернорусских братчин: «На всем русском севере, где только сохранились остатки братчин, широко распространены местные сказания о том, как в старину в Ильин день (обычный здесь день скотоводческих братчин) прибежал из лесу к местной часовне олень, которого община закалала, варила и съедала. Каргопольский и соседние с ним уезды бывш. Олонецкой губ., Вельский и Кадниковский Вологодской губ., Белозерский уезд Новгородской губ., – вот места широкого распространения преданий о чудесном олене» [Зеленин, 1928, с. 131]. А. Б. Мороз, изучая типологию и происхождение легенды о чудесных оленях, которые приходят к людям и приносят себя в жертву, обнаруживает следы ее бытования у многих народов, в том числе болгар, греков, сербов и русских. В русской традиции она была характерна именно для территории Русского Севера – Карелии, Архангельской, Вологодской, Костромской обл. и Коми, где называлась *мольба, жертва, быкобой, завет* [Мороз, 2013, с. 212]. В Каргополье еще в 20-е гг. XX в. устраивали «совместные трапезы в Ильин день, но приносить в жертву быка и варить его у церкви, как это делали раньше, не разрешалось, дарили лишь овцу или барана причту» [Воронина, 2004]. В результате постепенного разрушения традиции олени, на которых велась охота, были заменены на жертвенного быка, а затем и на овцу, которую не резали и не варили прилюдно, но лишь дарили церкви. В целом культурные сюжеты о жертвенном животном предопределили отношение к свежему мясу как особо вкусному и чистому, которое употребляли коллективно и дарили святым-покровителям.

Виды мяса. В качестве родового наименования мяса любых домашних животных, а иногда и дичи на многих территориях Русского Севера использовалось сущ. *говядина*: «Всё говядина, овцы – всё равно говядина» (карг.) [АОС, вып. 9, с. 184; СГРС, т. 3, с. 60; РК, т. 5, ч. 2, с. 16]. Обозначения говядины, употребление которой было наиболее распространено, дифференцировали мясо коровы, быка или теленка, считавшееся самым вкусным, ср. арх. *скóтское мясо* ‘говядина’ [СРНГ, вып. 38, с. 120]; арх. вил. *корóвина* ‘говядина (не телятина)’ [СГРС, т. 6, с. 51], волог. кирил. *бычѣна* ‘мясо быка’ [СРГК, т. 1, с. 156]; костром. буй., парфен., солиг. *опóек* ‘мясо телёнка, которого поят молоком’ (СКЗ, с. 257). По легенде, уже с XVI в. жители Вологодского уезда носили прозвище *телятники* [СОВН, с. 62]. Бытовало несколько версий происхождения прозвища, в том числе и фольклорных: «вологжане при встрече царя Иоанна IV поднесли на большом блюде зажаренного теленка с серебряными подковами. Царю не понравился подарок, и он велел вологжанам тут же съесть. По другим преданиям, царь Иоанн IV велел наказывать тех вологжан, которые, по случаю дороговизны мяса, ели телятину» [СОВН, с. 62]. Этот исторический анекдот вполне мог опираться на реальный факт: Иван IV действительно бывал в Вологде, а во время опричнины излишняя

роскошь вологодских строителей, которые ели дорогое мясо, могла прийти к царю не по душе (эти и другие версии происхождения прозвища см. в [СКП, с. 319–320]). Кроме того, в прозвище *телятники* нашли отражение простота и глуповатость, которые приписывались жителям Вологодского края за то, что они «теленка с подковой съели» [СОВН, с. 62]. На «телячью» наивность вологжан намекало и прозвище *телята*: «Куда приедешь, сразу узнают, говорят про нас “вологодские телята”»; «Мы, вологодские, *простые, как мычание*» [СКП, с. 319], ср. костром. ветл. *телятина* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 45, с. 19]⁶. Кроме того, действительная основа прозвища могла быть связана с приоритетным родом занятий крестьян Вологодской области, которые, особенно в ее юго-западных районах, специализировались на молочном скотоводстве, благодаря чему телята стали элементом их фольклорного образа.

Помимо мяса крупного рогатого скота, в пищу употребляли птицу, в основном дичь: арх. шенк. *птичина* ‘мясо птицы’ [СРНГ, вып. 33, с. 102], арх. лен., волог. баб., кадн., ник. *летятина* ‘дичь’, ‘кушанье из дичи’ (КСГРС, см. также: [СВГ, т. 4, с. 38; СРНГ, вып. 17, с. 27]). Мясо домашней птицы на Русском Севере ели гораздо реже, чем в центральных и южных областях России. Согласно народному объяснению, за любовь к мясу куропаток жителей с. Койда Мезенского района Архангельской обл. прозвали *куропы*: «Так как любит народ куроптей стрелять и ловить да суп варить, или еще, как у нас говорят, трескать» [СКП, с. 190]. В большом количестве ловили рябчиков, мясо которых называли волог. кир. *ряббинное мясо*, арх. пинеж. *рябово мясо* (КСГРС, см. также: [СРНГ, вып. 35, с. 334]) или *церковное мясо* (арх. леш.): «Потому церковно, что мягко, бело» (КСГРС), отмечая исключительные вкусовые качества. Вполне вероятно, что определение *церковный* лишь в современных диалектах стало восприниматься как оценочное, тогда как его изначальное употребление было связано с реальным культурно-историческим фактом. Крестьяне, которые проживали на землях многочисленных монастырей Русского Севера и занимались земледелием, охотой или рыбной ловлей, выплачивали монастырю денежный и/или натуральный оброк. В качестве последнего они отдавали часть выловленной рыбы, собранных грибов, ягод или пойманной дичи. Все продукты, сдаваемые в монастыри, были высшего сорта: белая или красная рыба, белые грибы или рыжики, из дичи – считавшееся самым вкусным мясо рябчика. Возможно, именно этот исторический факт отразился в выражении *церковное мясо* ‘рябчик’ и, например, в волог. шексн. *церковный гриб* ‘рыжик’: «Самый лучший на соленье – церковный гриб» (КСГРС).

Тем не менее на землях, не охваченных монастырскими податями, дичь, рыбу или грибы высокого качества крестьяне также редко употребляли сами, поскольку эти продукты были одним из основных источников дохода. Зимой из Архангельской области в Петербург отправляли обозы рябчиков, рыбы, соленых грибов («Плели таки кузова большие и возили в царски времена, ловили на сильшки» (пин.) (КАОС⁷)) и оленины (*олёньи задки* мезенские торговцы ежегодно зимою отправляли в Москву и Петербург [Подвысоцкий, 1885, с. 109]). В столице архангельский рябчик ценился выше прочих, потому что был самым крупным и обладал особенно нежным мясом: блюда из рябчика называли арх. пин. *царская еда*

⁶ Мотив, оценивающий умственные способности вологжан, отразился и в прозвище *толоконники*, которое было дано за то, что жители Вологодчины по своей наивности якобы замешивали похлебку из толокна прямо в реке.

⁷ Картотека Архангельского областного словаря (МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка).

(КАОС), костром. окт. *царский обед* ‘суп из рябчика’ (ЛКТЭ). Пинежский район Архангельской области, где записано выражение *царская еда*, уже в XVIII в. считался главным поставщиком рябчиков в Петербург: именно на гербе Пинеги, утвержденном Екатериной II в 1780 г., было изображено два рябчика, наряду с золотой державой и серебряным мечом – символами Вологодского наместничества (и одновременно знаками *царской* власти). Определение *царский* употреблялось и по отношению к рыбе ценных пород, причем преимущественно в Онежском и Приморском районах Архангельской области, которые были ее значимыми поставщиками⁸, ср., арх. прим., волог. выг. *царская рыба* ‘форель’, волог. у-куб. ‘нельма’ (КСГРС); арх. пин. *царь* ‘хариус’, прим. *царская рыба* ‘семга’, ‘кумжа’, онеж. ‘форель’ (КАОС). Главным источником рыжиков, белых грибов и клюквы считались лесные Мезенский, Плесецкий и Лешуконский районы: именно здесь записаны названия мез. *царский гриб* ‘белый гриб’, ‘рыжик’, леш. *царская еда* ‘рыжик’, плес. *царский рыжик* ‘красный рыжик в противопоставлении синему’: «Царский рыжик – его возили царям», мез. *царская ягодка* ‘клюква’ (КАОС), ср. волог. ник. *царская ягода* ‘морошка’ (КСГРС). Таким образом, названия мяса, грибов и рыбы с компонентом *царский* и *церковный* отразили не столько их вкусовые качества (хотя, конечно, царю и церкви полагались только лучшие продукты), сколько факт из торгово-экономической жизни Русского Севера. Определения *царский* / *церковный* использовались по отношению к тем видам продуктов, которые крестьяне отправляли на столичные базары или сдавали в качестве натурального оброка.

Помимо рябчиков, в пищу употребляли тетеревов, в Сольвычегодском уезде Архангельской обл. ловили и жарили клестов [РК, т. 5, ч. 3, с. 617]. Считалась вкусной зайчатина, которую ели даже чаще, чем мясо домашнего скота (гряз.) [Там же, ч. 2, с. 16]. По вкусу и пищевой ценности сопоставлялось мясо крупных диких животных – лося и медведя: «Лосятина, походнее <более ходовой товар>, чем медвежье мясо» (волог. нюкс.) [СРНГ, вып. 30, с. 357]; «Лосинно мясо грубо, из него хорошо котлеты делать. А медвежина мягче – легкое на желудке. А лосину покушал – грубо на желудке, тяжело» (арх. пин.) [АОС, вып. 13, с. 293].

«Нечистое» мясо. К категории «нечистых» мясных продуктов, которыми крестьяне брезговали, относилось мясо животного, умершего своей смертью⁹: например, не употреблялось *силовое мясо* – мясо птицы, попавшей в силос и задохнувшейся (арх. пин.) [СРНГ, вып. 37, с. 310]. Однозначно несъедобным признавалось мясо умершего или забитого по причине болезни животного – волог. сямж. *пропацáтина*, волог. вож. *пропади́на*. Однако в голодные годы и такое мясо шло в пищу, несмотря на страх нарушения сложившихся этических норм и административных запретов: «В войну-то голодно было, пропадину или <...> витилинар скажет закопать мясо, а мы выроём и съедим» [СВГ, т. 8, с. 89]. Непригодным в пищу считался *ток* – мясо животного, убитого в брачный период (волог. выг.) [СРГК, т. 6, с. 469].

Брезговали мясом животных, имеющих нераздвоенное копыто, лапы, исключая зайца, который, по мнению крестьян, ест ту же пищу, что и человек (гряз.)

⁸ О «рыбной» специализации района свидетельствует изображение семги на гербе Онеги.

⁹ Одним из источников запрета на употребление «мертвого» мяса также является текст Ветхого Завета: «И всякий, кто будет есть мертвечину или растерзанное зверем, туземец или пришлец, должен вымыть одежды свои и омыться водою, и нечист будет до вечера, а потом будет чист» (Лев. 17: 15).

[РК, т. 5, ч. 2, с. 37]. Нечистыми считались собаки, кошки, мыши, крысы; вороны, галки, сороки, журавли, лебеди, гагары (вельск.) [Там же, ч. 1, с. 58]. Воробья и голубя не ели как священную птицу [Там же, ч. 2, с. 37]. Не принято было употреблять конину, которую, по мнению крестьян, ели только татары (вельск.) [Там же, ч. 1, с. 58], ср. арх. *жеребица, кобылятина* 'мясо лошади, конина': «Жеребицы какой, конины мне не нать!» [АОС, вып. 13, с. 334].

Мотив поедания мяса «нечистого» животного находим в верованиях и фольклоре. Согласно поверьям, в наказание за убийство животного, не употребляемого в пищу, «на том свете» человеку могли преподнести блюдо из его мяса: так, в Повенецком уезде Олонецкой губернии считалось, «кто убьет лягушку, тому подадут на том свете лягуший пирог» [СРНГ, вып. 17, с. 258]. В поморской сказке «Про Царь-жернова» старик со старухой хотели сварить суп из сороки, которая прилетела к ним клевать горох: «А старик со старухой ее поймали и хотели из нее *мясной суп сварить* (из сороки, говорят, очень вкусный суп получается). Тут сорока взмолилась человеческим голосом: “Отпустите меня поскорее, я вам Царь-горошину на хвосте принесу”» [Мосеев, 2005, с. 139]. Известно, что в славянской традиции сорока считалась нечистой и не пригодной в пищу [Гура, 2012, с. 125].

Пищевые привычки и предпочтения служили четким маркером социальной группы¹⁰. На Русском Севере известны прозвища, приписывающие употребление «нечистого» мяса локальным социальным группам. Так, жителей Никольского и Яренского уездов Вологодской губ. и Шенкурского уезда Архангельской обл. называли *векшеёды* за то, «что будто в один из голодных годов жители принуждены были есть мясо векш (белок)» [СРНГ, вып. 4, с. 105]. В действительности прозвище указывало на ловлю белок как основной род занятий населения этих территорий (белка даже была гербовым символом Яренского уезда). Характерны для Русского Севера «птичьи» прозвища, в народных толкованиях которых появлялся образ съеденной птицы. Так, жителей д. Жердь Мезенского района называли *кужушки*: «В ранешние времена сварили кукушку, вот и прозвали кукушками»; жителей г. Мезень и Лешуконского района Архангельской обл. – *вороны*: «Кто-то ворону съел» (мезен.), «В голодное время жители ели ворон. Кого-то одного застали за этим делом, а называть стали воронами всех» (леш.); *ворона*: «Старик у их вместо чухаря сварил ворону» (леш.) [СКП, с. 66]; жителей с. Дорогорское Мезенского района – *совы*: «Съели когда-то сову» (АКТЭ¹¹). Кажется неслучайным, что в основу прозвищ легли образы нечистых птиц, воспринимаемых как знаки чужой социальной группы. По всей видимости, территория Мезени, где бытовали «птичьи» прозвища, сохранила их как память о контактах с нерусским населением¹².

¹⁰ О прозвищах, образованных от глаголов с семантикой поедания, см. [Воронцова, Галинова, 2015].

¹¹ Антропонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и межкультурных коммуникаций УрФУ, Екатеринбург).

¹² По наблюдениям Ю. Б. Воронцовой, «коллективные прозвища, образованные от названий животных или птиц <...> возможно, отражают традиции “тотемного” номинирования. Скопления этих двух номинативных типов коллективных прозвищ, по нашему мнению, являются показателями субстратных зон. Так, например, учитывая антропонимические данные, такие субстратные зоны могут быть выделены на севере Архангельской области (Лешуконский и Мезенский районы), где ярко проявляется “птичья модель” (ср.

Неоднозначно оценивалось мясо моржа и тюленя. Морское звероловство было распространено в Мезенском и Приморском районах Архангельской области, ср. записанные здесь прим. *белячьё мясо* ‘мясо молодого тюленя’: «Ели мясо белячьё» [АОС, вып. 1, с. 164], беломор. *моржовина* ‘мясо моржа’ [СРНГ, вып. 18, с. 263], помор. *равушка* ‘туша тюленя без шкуры’ [Кушков, 2011, с. 79]. Морской зверь добывался преимущественно ради жира и шкур, а мясо, имеющее специфический рыбный привкус, использовали в качестве корма животным на зверофермах или как приманку на лесной охоте: «Тюлень-от нелюцкой, нехорошой, мясо-то не едят» (пин.) [Симица, 1976, с. 69]; «Мясо тюленья не едят, оно рыбой отдаёт; катарки <передние лапы тюленей> – те едят» (прим.); «Катарки надо обрезать, на мясо песцам возят их» (мез.) [СГРС, т. 5, с. 96]. Однако в бедных семьях или в голодное время мясо тюленя шло в пищу: например, из тюленьих лап варили студень (прим.). По воспоминаниям архангельцев, в военные годы город выжил на жире и мясе тюленей, добытых поморами [Лисниченко В. В., Лисниченко Н. Б., 2007, с. 84]. Употребление мяса тюленей и моржей стало отличительной чертой поморов и основой коллективного прозвища жителей Архангельска *моржееды* (арх., волог.) [СРНГ, вып. 18, с. 262].

Как показал анализ севернорусской диалектной лексики, фольклора, обрядов и ряда социально-исторических фактов, мясо служило не только пищей, но и культурно-языковым знаком. Его употребление указывало на социально-экономический статус семьи (мясо ели в зажиточных семьях, но практически не употребляли в бедных или заменяли на субпродукты). Мясо было маркером годовых периодов (ср. названия постов и мясоедов – *Свиное заговенье*, осеннего времени забоя скота – *Свинобой*). Особый семиотический статус имело мясо только что зарезанного животного, которое считали самым вкусным, употребляли коллективно и дарили святым-покровителям. Его высокий знаковый статус мог быть связан с архаическими охотничьими ритуалами распределения добычи и жертвоприношения. Блюда из мяса, изначальной живой пищи, связанной с категорией чистых – нечистых животных, наиболее ярко выявляют специфику рациона разных народностей и территорий. Помимо оппозиции «сырой – кулинарно обработанный (термически или путем соления, заквашивания)», мясо делилось на «чистое» и «нечистое», которое брезговали есть (из субпродуктов это были срамные места, толстый кишечник, кровь; мясо «нечистых» птиц и животных). Употребление «нечистого» мяса отражено в некоторых фольклорных сюжетах и коллективных антропонимах (ср. «птичьи» прозвища, имеющие народную мотивацию «люди, которые съели “несъедобную” птицу»).

Список литературы

Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

Березович Е. Л., Усачева В. В. Репа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 424–427.

Воронина Т. А. Пища и утварь // Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2004. С. 367–424.

прозвища жителей соседних деревень в бассейне р. Мезень – *зелезени, тетеры, кукушки, совы, вороны, дрозды, крохали, петухи*)» [Воронцова, 2002, с. 129–130].

Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в русских говорах: Дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.

Воронцова Ю. Б., Галинова Н. В. К изучению мотивации композитов, образованных от глаголов с семантикой поедания (на материале русской лексики и антропонимии) // *Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы III Международного науч. конф.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 65–68.

Гура А. В. Сорока // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 125–128.*

Зеленин Д. К. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая // *Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского... Л.: Академия наук, 1928. С. 130–136.*

Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.

Лисниченко В. В., Лисниченко Н. Б. Экология помора. Архангельск: Правда Севера, 2007. 96 с.

Мороз А. Б. Легенда о жертвенном олене: география, варианты, источники, параллели // *Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 2013. С. 212–233.*

Осипова К. В. Коллективные трапезы как воплощение ценностей крестьянского общежития (на материале диалектной лексики Русского Севера) // *Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2015. С. 187–202.*

Павловская А. Кухня первобытного человека. Как еда сделала человека разумным. М.: Ломоносовъ, 2015. 304 с.

Петкевич А. В. Жертвоприношение и ритуальная речь (на материале дериватов **modl-* в русском языке) // *Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; [под ред. М. Э. Рут]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 6. С. 62–82.*

Список источников

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1980–2018–. Вып. 1–.

ДКСБ – Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский и др. М.: ИЭА РАН, 1997. 432 с.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М.: Типо-лит. С. П. Архипова и К°, 1878. Ч. 2: Народная словесность. 276 с.

Кушков Н. Поморский говор: пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга, 2011. 166 с.

Мосеев И. И. Поморська говоря: Краткий словарь Поморского края. Архангельск, 2005. 138 с.

НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.

Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: 2-е Отд-ние Акад. наук, 1885. 198 с.

РК – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. 623 с.; Ч. 2: Грязовецкий и Кадни-

ковский уезды. 839 с.; Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. 683 с.; 2009. Т. 7: Новгородская губерния. Ч. 2: Череповецкий уезд. 503 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров: В 12 т. / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.

Сими́на Г. Я. Пинежский говор: Материалы по русской диалектологии / Мин-во высш. и средн. спец. образования РСФСР. Калининград: Изд-во КГУ, 1976. 172 с.

СКП – Воронцова Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2011. 448 с.

СОВН – Словарь областного вологодского наречия. По рукоп. П. А. Дилакторского 1902 г. Репр. СПб.: Наука, 2006. 678 с.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

УНС – Устьянский народный словарь / Ред. А. А. Истомин, В. П. Мамонтов и др. Октябрьский: Устьян. краевед. музей, 2012. 496 с.

References

Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: semantic-motivational reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for Education and Science, 2014, 488 p.

Berezovich E. L., Usacheva V. V. Repa [Turnip]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2009, vol. 4, pp. 424–427.

Gura A. V. Soroka [Magpie]. In: *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar': V 5 t.* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: In 5 vols]. N. I. Tolstoy (Ed.). Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, vol. 5, pp. 125–128.

Leont'eva T. V. *Modeli i sfery reprezentatsii sotsial'no-regulyativnoy semantiki v russkoy yazykovoy traditsii* [Models and spheres of representation of social and regulatory semantics in Russian language tradition]. Dr. philol. sci. diss. Ekaterinburg, 2015, 427 p.

Lisnichenko V. V., Lisnichenko N. B. *Ekologiya pomora* [Ecology of the Pomor]. Arkhangel'sk, Pravda Severa, 2007, 96 p.

Moroz A. B. Legenda o zhertvennom olene: geografiya, varianty, istochniki, paralleli [Legend of the sacrificial deer: geography, variants, sources, parallels]. In: *Ethnolinguistica Slavica. K 90-letiyu akademika Nikity Il'icha Tolstogo* [Ethnolinguistica Slavica. To the 90th anniversary of academician Nikita Ilyich Tolstoy]. Moscow, Indrik, 2013, pp. 212–233.

Osipova K. V. Kollektivnye trapezy kak voploshchenie tsennostey krest'yanskogo obshchezhitiya (na materiale dialektnoy leksiki Russkogo Severa) [Collective meals as an embodiment of the values of the peasant hostel (on the material of the dialectal vocabulary of the Russian North)]. In: *Kategoriya otsenki i sistema tsennostey v yazyke i kul'ture* [Category of evaluation and values system in language and culture]. S. M. Tolstaya. Moscow, Indrik, 2015, pp. 187–202.

Pavlovskaya A. *Kukhnya pervobytnogo cheloveka. Kak eda sdelala cheloveka razumnym* [Kitchen of a primitive man. How food has made man intelligent]. Moscow, Lomonosov, 2015, 304 p.

Petkevich A. V. Zhertvoprinoshenie i ritual'naya rech' (na materiale derivatives "modl-" v russkom yazyke) [Sacrifice and ritual speech (on the material of derivatives "modl-" in Russian)]. In: *Onomastika i dialektnaya leksika: Sb. nauch. tr.* [Onomastics and dialectal vocabulary: Collection of sci. articles]. A. M. Gorky Ural State University; M. E. Rut (Ed.). Ekaterinburg, UrFU Publ., 2007, iss. 6, pp. 62–82.

Voronina T. A. Pishcha i utvar' [Food and utensils]. In: *Russkiy Sever: etnicheskaya istoriya i narodnaya kul'tura. 12–20 veka* [Russian North: ethnic history and folk culture. The 12th–20th centuries]. Moscow, Nauka, 2004, pp. 367–424.

Vorontsova Yu. B., Galinova N. V. K izucheniyu motivatsii kompozitov, obrazovannykh ot glagolov s semantikoy poedaniya (na materiale russkoy leksiki i antropimii) [To the study of motivation of composites formed from verbs with eating semantics (on the material of Russian lexicon and anthroponymy)]. In: *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: Materialy 3 Mezhdunar. nauch. konf.* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology: Materials of the 3rd International Scientific Conf.]. Ekaterinburg, UrFU Publ., 2015, pp. 65–68.

Vorontsova Yu. B. *Kollektivnye prozvizhcha v russkikh govorakh* [Collective nicknames in Russian Tales]. Cand. philol. sci. diss. Ekaterinburg, UrFU, 2002.

Zelenin D. K. Drevnerusskaya bratchina kak obryadovyy prazdnik sbora urozhaya [Old Russian Bratchina as a ritual holiday of harvest]. In: *Sbornik statey v chest' akademika Alekseye Ivanovicha Sobolevskogo...* [Collection of articles in honor of Academician Alexei Ivanovich Sobolevsky...]. Leningrad, Akademiya nauk, 1928, pp. 130–136.

List of sources

Arkhangel'skiy oblastnoy slovar' [Arkhangelsk regional dictionary]. O. G. Getsova (Ed.). Moscow, MSU Publ., 1980–2018, iss. 1.

Dukhovnaya kul'tura Severnogo Beloz'er'ya. Etnodialektnyy slovar' [Spiritual culture of Northern Belozero. Ethno-dialogical dictionary]. I. A. Morozov, I. S. Sleptsova, E. B. Ostrovskiy et al. (Eds). Moscow, IEA RAN, 1997, 432 p.

Efimenko P. S. *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii* [Materials on ethnography of the Russian population of the Arkhangelsk province]. Moscow, S. P. Arkhipova i K^o Publ. H., 1878. Ch. 2: Narodnaya slovesnost' [Pt. 2: Folk literature], 276 p.

Kushkov N. *Pomorskiy govor: posloviцы, pogovorki, priskazki, leksika* [Pomorsky accent: proverbs, sayings, sayings, vocabulary]. Varzuga, 2011, 166 p.

Moseev I. I. *Pomors'ka govorya: Kratkiy slovar' Pomorskogo kraya* [Pomorska saying: A brief dictionary of the Pomor region]. Arkhangel'sk, 2005, 138 p.

Novgorodskiy oblastnoy slovar' [Novgorod regional dictionary]. Novgorod, 1992–1995, iss. 1–12.

Podvysotskiy A. I. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg, 2nd Department of the Academy of Sciences, 1885, 198 p.

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravny: Materialy "Etnograficheskogo byuro" knyazya V. N. Tenisheva [Russian peasants. Life. Genesis. Mores: Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V. N. Tenishev]. St. Petersburg, Delovaya poligrafiya, 2007,

vol. 5: Vologodskaya guberniya [Vologda province]. Pt. 1: Vel'skiy i Vologodskiy uезdy [Velsk and Vologda uyezds], 623 p.; Pt. 2: Gryazovetskiy i Kadnikovskiy uезdy [Griazovets and Kadnikovskiy uyezds], 839 p.; Pt. 3: Nikol'skiy i Sol'vychehodskiy uезdy [Nikolsk and Solvychehodsk uyezds], 683 p.; 2009, vol. 7: Novgorodskaya guberniya [Novgorod province]. Pt. 2: Cherepovetskiy uезд [Cherepovets uезд], 503 p.

Simina G. Ya. *Pinezhskiy govor: Materialy po russkoy dialektologii* [Pinezhsky dialect: Materials on Russian dialectology]. Ministry of Higher and Secondary Special Education of the RSFSR. Kaliningrad, KSU Publ., 1976, 172 p.

Slovar' govorov Russkogo Severa [Dictionary of Russian North dialects]. A. K. Matveev (Ed.). Ekaterinburg, UrFU Publ., 2001, vol. 1.

Slovar' oblastnogo vologodskogo narechiya. Po rukop. P. A. Dilaktorskogo 1902 g. Repr. [Dictionary of regional Vologda dialect. Based on the manuscript of P. A. Dilaktorskiy, 1902 Repr.]. St. Petersburg, Nauka, 2006, 678 p.

Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey: V 6 t. [Dictionary of Russian dialects of Karelia and Neighboring areas: In 6 vols]. A. S. Gerd (Ed. in Ch.). St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994–2005.

Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov (Eds). Moscow, Leningrad, St. Petersburg, Nauka, 1965, iss. 1.

Slovar' vologodskikh govorov: V 12 t. [Dictionary of Vologda dialects: In 12 vols]. T. G. Panikarovskaya (Ed.). Vologda, VSPI/VSPU Publ., 1983–2007.

Ust'yanskiy narodnyy slovar' [Ustian folk dictionary]. A. A. Istomin, V. P. Mamonov i dr. (Eds). Oktyabr'skiy, Ust'yan. kraeved. muzey, 2012, 496 p.

Vorontsova Yu. B. *Slovar' kollektivnykh prozvishch* [Dictionary of collective nicknames]. Moscow, AST-PRESS-KNIGA, 2011, 448 p.

Сведения об авторе

Осипова Ксения Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник топонимической лаборатории Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

osipova.ks.v@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2285-6112

ResearcherID F-4554-2017

Scopus ID 57194388640

SPIN-код 9505-1715

Information about the author

Ksenia V. Osipova – Candidate of Philology, Senior Researcher at the Toponymic Laboratory, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation)

osipova.ks.v@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2285-6112

ResearcherID F-4554-2017

Scopus ID 57194388640

SPIN-код 9505-1715